DOI: 10.31860/978-5-918680-384-459-473

К БИОГРАФИИ О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ: ПИСЬМО Я. Л. БАБУШКИНА К Г. М ФРИДЛЕНДЕРУ (1941)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой)

Аннотация: Впервые публикуется письмо радиожурналиста Я. Л. Бабушкина, написанное из блокадного Ленинграда своему другу, историку литературы, тогда — преподавателю Архангельского государственного педагогического института — Г. М. Фридлендеру. В письме содержится просьба помочь О. Ф. Берггольц устроиться в Архангельске, куда она собиралась вывезти из осажденного города своего больного мужа, Н. С. Молчанова. Документ добавляет важные детали к безуспешной попытке Берггольц покинуть Ленинград в декабре 1941 г. и содержит ее портрет — поэта и человека. Письмо Бабушкина может быть прочитано как автохарактеристика радиожурналиста, не теряющего самообладания в «смертное время» Ленинграда. Публикуемый документ добавляет штрихи к биографии Г. М. Фридлендера военного времени, а также свидетельствует о взаимном доверии и внутренней близости будущего академика и Я. Л. Бабушкина.

Ключевые слова: О. Ф. Берггольц, радиожурналист Я. Л. Бабушкин, Г. М. Фридлендер, блокада Ленинграда, Н. С. Молчанов, эвакуация.

Abstract: For the first time, a letter by radio journalist Ya. L. Babushkin, written from besieged Leningrad to his friend, a literary historian, then a teacher of the Arkhangelsk State Pedagogical Institute, G. M. Friedlander, is published. The letter contains a request to help O. F. Bergholz get settled in Arkhangelsk, where she was going to take her sick husband, N. S. Molchanov, out of the besieged city. The document adds important details to Bergholz's unsuccessful attempt to leave Leningrad in December 1941 and contains her portrait — a poet and a man. Babushkin's letter can be read as the autocharacteristics of a radio journalist who does not lose his composure in the «mortal time» of Leningrad. The published document adds touches to the biography of G. M. Friedlander during the war and also testifies to the mutual trust and inner closeness of the future academician and Ya. L. Babushkin.

Keywords: O. F. Bergholz, radio journalist Ya. L. Babushkin, G. M. Friedlander, the siege of Leningrad, N. S. Molchanov, evacuation.

Письмо Я. Л. Бабушкина к Г. М. Фридлендеру содержит сведения о блокадной биографии Ольги Федоровны Берггольц (1910—1975). Оно написано в декабре 1941 г., когда поэтесса надеялась вывезти в Ар-

© Прозорова Н. А., 2023

хангельск своего ослабевшего от голода и болезней мужа — Николая Степановича Молчанова (1909—1942).

Автор публикуемого письма — Яков Львович (Лейбович) Бабушкин (1913—1944) — радиожурналист, художественный руководитель Ленинградского радиокомитета.[1] Берггольц познакомилась с ним в июне 1941 г., когда пришла работать на радио, а сблизилась с Бабушкиным и Г. П. Макогоненко в начале сентября, когда они оказали ей поддержку в связи с предполагавшейся высылкой из Ленинграда ее отца, Ф. Х. Берггольца, за «немецкое происхождение».[2] 5 сентября поэтесса написала в дневнике: «Но за эти три дня хлопот за отца очень сблизилась (кажется) с Яшей Бабушкиным, с Юрой Макогоненко...»[3]

Когда Ленинград был взят в кольцо, Берггольц не собиралась уезжать. Ю. Герману, уговаривавшему ее покинуть город, она объясняла, почему это невозможно, и говорила, что именно «сейчас все подводится, проверяется».[4] У Берггольц была возможность вылететь на самолете в Москву с А. Ахматовой, которая просила сопровождать ее. Но Ольга Федоровна осталась с мужем, страдавшим эпилепсией еще с начала 1930-х гг. «Я не поехала, — писала она 1 октября 1941 г. — Я не могу оставить Кольку, мне без него все равно не жизнь, несмотря на его припадки, доставляющие мне столько муки... Я не поехала из-за Кольки, из-за того, что здесь Юра, Яшка и другие».[5]

В конце октября после очередного припадка Молчанов настойчиво уговаривал Берггольц эвакуироваться. Она уже стала было склоняться к этой мысли, но одновременно инстинктивно ощущала: «...надо быть в Ленинграде. Почему? Точно сказать не могу. Надо — и все».[6]

Друзья поэтессы, встретившие ее с мужем 7 ноября на Невском проспекте, были поражены переменой, произошедшей в Молчанове. «Когда я видел его последний раз, — вспоминал Л. Левин, — это было еще до войны, — он производил впечатление полного сил, цветущего молодого человека. Я знал, что он серьезно болен — у него была эпи-

---

[1] Подробнее о нем см.: *Биневич Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // Звезда. 2015. № 12. С. 218—229; см. также в кн.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Петрополис, 2012. 232 с.

[2] В сентябре 1941 г. город был взят в кольцо, и высылка не состоялась. В марте 1942 г., во время весеннего этапа высылки горожан немецкой национальности, Федор Христофорович был отправлен из Ленинграда в Красноярский край. Подробнее см.: *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц: начало (по ранним дневникам). СПб.: Росток, 2014. С. 139—165 (глава «Путь к отцу»).

[3] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945) / сост., текстол. подгот. Н. А. Стрижковой; статьи Т. М. Горяевой и Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой и А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015. С. 24.

[4] Там же. С. 15.

[5] Там же С. 41.

[6] Там же. С. 51 (запись от 27 окт. 1941 г.).

лепсия, — но на щеках его всегда играл румянец, он казался бодрым и даже физически сильным. Сейчас в лице его не было, что называется, ни кровинки, глаза потухли, он улыбался вялой улыбкой, больше похожей на гримасу».[7]

1 декабря в дневнике поэтессы появилась запись о возможном отъезде. Внутренняя борьба была жестокой: один голос, «сильный и властный», говорил Берггольц: «Я должна быть здесь, голодать, так же как все, писать и поддерживать их дух», [8] а другой — убеждал спасать исхудавшего и одряхлевшего мужа: «Я ДОЛЖНА для него сделать все, что надо». [9]

Первоначально отъезд был назначен на 10—12 декабря. На руках Берггольц была командировка в Архангельск с характеристикой, выданной В. К. Кетлинской. Отъезд устраивал предприимчивый А. Г. Розен (одно время работавший на радио) и делал это, по словам Берггольц, «по блату, видимо, просто за взятку Армвоенторгу».[10] Затем отъезд отодвинулся до 14 декабря. «Мы не уехали 14/XII. Это со всех почти сторон к лучшему — мы бы измытарились только, и Колька наверняка погиб бы.

Дорога на Новую Ладогу, как говорят, ужасна. Но ленинградцы идут по ней пешком, с детьми и саночками, падают, умирают, а кто может — идет дальше».[11]

Еще одна надежда — уехать 19 декабря — вновь не оправдалась. «Не знаю, уедем ли мы, — писала Берггольц 20 декабря. — Эвакуация на самолетах отложена, — налаживается железная дорога. <...> А вообще все это почти миф».[12]

Между тем состояние Молчанова продолжало ухудшаться: припадки мучали его уже не только ночью, но и днем. Берггольц продол-

---

[7] *Левин Л.* Жестокий расцвет // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979. С. 69.

[8] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 64.

[9] Там же. С. 91.

[10] Там же. С. 95. Отношение Берггольц к Розену и свидетельство о том, что он предлагал ей вывезти Молчанова за деньги, зафиксированы в дневнике Е. А. Вечтомовой. «Вчера я была у Ольги, — писала Вечтомова в мае 1945 г. — Говорили о жизни <...>. Ольга рассказала мне умилительную историю о том, как, еще работая в "Лит<ературном> Л<енингра>де", она обнаружила в своем столе донос Розена на нее и полный отчет о том, что делалось в редакции <...>. Рассказала и еще прямо-таки грязную историю с предложением Ольге эвакуировать умирающего Колю Молчанова в хамармеровской машине за... четыре тысячи. Тогда-то он (Розен. — *Н. П.*) и ко мне приставал с эвакуацией. Это было зимой 41—42 г. Потом он ходил колесом, упрашивая Ольгу не рассказывать об этих махинациях Хамармеру. Опять-таки понятно, почему он ее не выносит» (Дневник Е. А. Вечтомовой // Семейный архив Инге-Вечтомовых. Цитируется с разрешения наследников). Упоминается *Хамармер Исаак Павлович* (1896—1966) — военный комиссар Управления тыла 42-й армии Ленинградского фронта зимой 1941—1942 гг.

[11] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 99.

[12] Там же С. 107.

жала надеяться «дотащить» его до Архангельска и положить там на лечение в госпиталь. Последняя попытка — улететь 27 декабря — сорвалась. Ольга Федоровна написала в дневнике: «...в самую последнюю минуту, когда уже надо было брать посадочные талоны, — из Смольного звонок — самолет отменен». [13]

Недатированное письмо Бабушкина к Фридлендеру с просьбой помочь устроиться Берггольц с Молчановым в Архангельске было написано именно в эти — декабрьские — дни: возможно, накануне 10 декабря (первая дата предполагаемого отъезда), но не позднее 26 декабря — последнего дня перед вылетом. Берггольц прощалась с Бабушкиным перед несостоявшимся отъездом, об этом свидетельствует ее надпись на подаренной ему фотографии: «Милому, родному Яше в знак красивой дружбы и любви. Оля. Июнь-декабрь, 1941. Ленинград». [14]

Публикуемое письмо Бабушкина по сути своей — рекомендательное: оно содержит характеристику поэтессы, данную коллегой-журналистом. К декабрю месяцу имя Берггольц уже было знакомо ленинградцам, хотя настоящая слава и признание пришли к ней после знаменитых блокадных поэм «Февральский дневник» (1942), «Ленинградская поэма» (1942), «Памяти защитников» (1944) и «Твой путь» (1945). К началу первой блокадной зимы голос Берггольц только набирал силу: она вела передачи по радио, читала свои стихотворения, среди которых особой популярностью пользовались «Сестре» («Машенька, сестра моя, москвичка!», написано 12 сент. 1941 г.), «Разговор с соседкой» («Дарья Власьевна, соседка по квартире...», написано 5 дек. 1941 г.), «Письмо на Каму» («Я знаю — далеко на Каме...»), написано 19 дек. 1941 г.).

Бабушкин отмечал в письме, что Берггольц «без сомнения очень способный» поэт, и подчеркивал, что она «понимает задачу писателя не в кропании произведений изящной словесности». Действительно, Берггольц отрицала литературный эстетизм (в интерпретации Бабушкина — «изящную словесность») и декларировала простоту языка и стиля: в ее эстетике «простое» означало «великое». [15] Блокадный радиожурналист верно подметил не только особенность ее творческой ориентации, но сообщил своему другу об «искреннем общественном темпераменте» поэтессы. И это была очень точная характеристика: авторская стратегия Берггольц, изначально направленная на «душевную помощь людям», совпадала с задачами военного времени: ее поэзия поддерживала ленинградцев во время блокадных испытаний.

---

[13] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 103.

[14] Цит. по: *Герасимова Л. А.* Рожденные Отечественной...: к 70-летию Победы. Симферополь: ГБУК РК «Молодежная библиотека», 2015. С. 20.

[15] Подробнее: *Прозорова Н. А.* Поэтология Ольги Берггольц: рефлексия и авторская стратегия // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 353—372.

Отзыв Бабушкина о своей коллеге по Радиокомитету как о человеке был также очень сочувственным. «Она — безусловно, незаурядный человек, — писал Яков Львович. — В общежитии и товариществе абсолютно честна, порядочна...» Важная доминанта письма — указание причины, по которой Берггольц решилась на отъезд. Сообщая Фридлендеру о болезни ее мужа, объясняя, что Молчанов «дошел до очень тяжелого состояния», Бабушкин констатировал: «потому вывозим».

В тех характеристиках, которые Бабушкин дает своим друзьям, просвечивает и его личность. Определяя Молчанова как «советского до мозга костей человека», он тем самым заявляет о собственных приоритетах в оценке людей. Обращает на себя внимание и то, что, несмотря на чрезвычайные обстоятельства блокады (о которых Бабушкин предпочел не писать, полагая, что всё расскажут Фридлендеру Берггольц с Молчановым), он сохранял бодрость духа и уверенность в том, что через месяц-полтора ситуация в городе изменится к лучшему. «Уверен в будущем — совершенно», — писал он другу.

Однако в январе, когда смертность в Ленинграде стала приобретать чудовищные размеры и город был завален трупами, настроение изменилось. Оптимизм Бабушкина резко поубавился к 13 янв. 1942 г., о чем свидетельствуют его слова, сказанные Берггольц: «Если такое положение, как сейчас, продлится еще 2—3 недели, мы должны будем все застрелиться». [16]

Жившие на казарменном положении радиокомитетчики поддерживали друг друга как могли. По воспоминаниям Фадеева, побывавшего в Доме радио в мае 1942 г., Берггольц показывала ему записку Бабушкина, написанную в янв. 1941 г. Она извлекла из письменного стола «клочок бумажки, на котором было нацарапано карандашом: “Оля! Я достал тебе кусок хлеба и еще достану. Я тебя так люблю!”». [17]

В январе положение Николая Молчанова стало безнадежным. Сначала он был помещен в военный госпиталь № 861 (Песочная ул., д. 35), а затем, в середине января, переведен во 2-ю психиатрическую больницу (в городском обиходе — «Пряжка»). «Он лежит без сознания, весь в моче, — писала Берггольц о муже в дневнике 25 янв. 1941 г., — еще более похудевший и страшный, чем был, ни на что не реагирует, даже на меня, хорошо еще, что, механически открывая рот, — поел <...>. Позор, позор — вот что значит вся эта ленинградская героика. Так нельзя, так нельзя, как с Колей и с другими... ТАК НЕЛЬЗЯ». [18]

В сложившейся ситуации Берггольц корила себя за то, что не вывезла мужа. Зайдя на квартиру за одеялом, Ольга Федоровна увидела,

---

[16] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 124.

[17] *Фадеев А.* «Хорош блиндаж, да жаль, что седьмой этаж» // Вспоминая Ольгу Берггольц. С. 157.

[18] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 144—145.

«как у Коли заботливо все было собрано к отъезду, и закричала».[19] Вырвать мужа «из цепенеющих, мертвых рук Ленинграда» ей не удалось. 29 янв. 1942 г. Молчанов умер.

Судьба Бабушкина сложилась драматично. Несмотря на самоотверженный труд Якова Львовича в осаде[20] — напомним, что он был инициатором и организатором исполнения в блокадном Ленинграде Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в Большом зале Филармонии 9 авг. 1942 г., — радиожурналист был уволен из Ленрадиокомитета 16 апр. 1943 г. без объяснения причин. «Яшку безобразно, гнусно выгнали из Радиокомитета, — писала Берггольц в дневнике, — безо всяких мотивировок и оснований, просто вдруг решили, что не ко двору». [21] В письме к Фадееву от 11 мая 1943 г. Берггольц хлопотала о Бабушкине, предполагая устроить его с помощью Фадеева в газету «Труд» или «Литература и искусство». Она писала:

> «Все-таки с коммунистом так поступать нельзя, тем более что Яшка не щадил жизни в полном и самом серьезном смысле слова на этой работе <...> и так как его теперь разбронируют — то он должен идти на военную службу рядовым, если возьмут. Опять-таки не думай, что он боится передовой, — у нас ли ее бояться, а глупо это, не нужно, ведь в сто раз больше пользы может он принести на своем месте. И вот (не посоветовавшись, правда, с ним, а по своей инициативе) — я хочу спросить тебя, нельзя ли что-нибудь сделать?» [22]

Но Фадеев помочь не смог. Не исключено, что причиной увольнения Бабушкина был донос, исходящий из Москвы.[23] В июне 1943 г. Бабушкин был призван в действующую армию. Он погиб на фронте 1 февр. 1944 г. и захоронен в дер. Падога Кингисеппского района Ленинградской области (могила № 211). [24]

---

[19] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 146.

[20] См., в частности, очерк Вечтомовой, которая называла Бабушкина душой коллектива, сделавшего радиокомитет «как бы огромной фронтовой газетой» (*Вечтомова Е.* Это не прошлое // В редакцию не вернулся...: [сб.]. М.: Политиздат, 1970. Кн. 3. С. 263—268).

[21] *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945). С. 354.

[22] Александр Фадеев: письма и документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2001. С. 242.

[23] См. об этом примечание С. В. Березкиной в обстоятельной работе: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945) / вступ. статья С. В. Березкиной, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 473.

[24] Извещение о смерти, воспроизведенное на сайте «Памяти Якова Бабушкина»: URL: https://vk.com/club185709966 (дата обращения: 8.11.2023). Напомним, что задуманную еще в дни блокады книгу «Говорит Ленинград» (Л., 1946) о работе радио в осажденном городе Берггольц посвятила «прекрасной памяти Якова Бабушкина» и других погибших во время войны радиожурналистов.

Адресат письма — историк литературы, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, академик Георгий Михайлович Фридлендер (1915—1995). Дружба Бабушкина и Фридлендера началась со студенческих лет, при этом последний занимал в кругу молодых филологов, куда входили А. Г. Выгодский, О. И. Ильинская, Г. Е. Тамарченко, А. В. Эмме-Тамарченко и др., главенствующее положение. По мнению О. И. Ильинской, многие друзья Фридлендера обязаны ему своими научно-философскими познаниями и мировоззренческой «закваской». Она писала Георгию Михайловичу: «...тебе было очень немного лет, когда ты в духовном смысле создал Яшку (а это, честное слово, неплохо) и помог вырасти Шуре (А. Г. Выгодскому. — *Н. П.*). Можешь помянуть и меня, хотя это и не столь большая заслуга — испечь такую меня». [25] А. В. Тамарченко также отмечала судьбоносное значение встречи с Фридлендером, его влияние на формирование общественного поведения друзей и их профессиональной этики.

После окончания аспирантуры при кафедре истории русской литературы ЛГУ Георгий Михайлович был направлен на работу в Архангельский государственный педагогический институт и 26 авг. 1940 г. был принят на должность и. о. доцента кафедры литературы. [26] Он преподавал в АГПИ до 5 февр. 1942 г., после чего был уволен в связи с призывом в РККА. [27] 24 февр. Фридлендер принял присягу и служил в строительном батальоне в пригороде Архангельска Бакарице, а по сути был мобилизован в Трудовую армию как причисленный к гражданам «немецкой национальности», и в июле 1942 г. был отправлен в Коми АССР, где работал в Жешартской рабочей колонне № 3а Военно-строительного управления до июля 1945 г. [28]

Семья Фридлендера — мать Анжель Морисовна и больной прогрессирующим параличом отец Михаил Васильевич — находились в Ленинграде. Бабушкин навещал их сообразно возможностям сурового блокадного быта, а зимой 1942—1943 гг. привлек Анжель Морисовну к работе машинисткой в Доме радио, где она поселилась в общежитии (Михаил Васильевич умер в 1942 г.) и получала карточку 1-й рабочей категории. [29]

---

[25] О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.) / вступ. статья, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб: Родник, 2020. С. 501—502.

[26] *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Георгий Михайлович Фридлендер // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и соц. науки. 2006. № 1 (9). С. 113—114.

[27] Там же. С. 114.

[28] Подробнее биографию Фридлендера см.: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 443—505.

29 Подробнее см. примечание С. В. Березкиной в работе: О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 519.

Публикуемое письмо свидетельствует о том, что друзья понимали друг друга с полуслова, жили на одной «волне». Так, Яков Львович упоминал в тексте своего письма имя Андрея, родного брата, арестованного и расстрелянного по сфабрикованному обвинению. Пользуясь эзоповым языком, корреспондент сообщал другу о перенесенных страданиях Берггольц «по Андрюшиной линии», т. е. о репрессиях поэтессы (по обвинению в контрреволюционной деятельности, аресте и тюремном заключении с 14 дек. 1938 г. по июль 1939 г.).

Письмо Бабушкина, не дошедшее до адресата по причине невыезда Берггольц, сохранилось в ее архиве в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 870).[30] Текст публикуется по автографу. Сокращения раскрыты в угловых скобках. Подчеркнутые автором слова даны при публикации аналогичным способом.

Публикатор выражает благодарность главному библиографу Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина г. Евпатории Янине Станиславовне Грошевой за помощь в разыскании сведений о семье Я. Л. Бабушкина.

Я. Л. Бабушкин — Г. М. Фридлендеру

1941 г., Ленинград

Милый Юрка! Вот и оказия подвернулась, да еще прямо в Архангельск, да еще с людьми, которые меня и мою жизнь за последние полгода (и, вообще, жизнь Ленинграда) хорошо знают и смогут тебе все рассказать... Это очень приятно. Ощущениями осады я нахлебался вдоволь, а так, при возможности встречи хотя бы через других, — теплее на душе. Ничего тебе поэтому о себе и Ленинграде писать не буду. Все расскажут. Дома у вас я не был последние 1½—2 недели. Отъезд Оли[1] настолько быстр, что специально связаться с А<нжелью> М<орисовной>[2] я не успел. Должен поэтому только сказать, что мама[3] твоя очень хорошо держится и переносит, действительно, необычайно суровое время (которое, конечно, никто себе представить, не пережив, не может), несмотря на все специфические трудности, связанные с М<ихаилом> В<асильевичем>.[4] Всей душой хотел бы помочь ей, но реальная помощь здесь, сейчас, это — миф. Это никто не может... Так и живем надеждами, которые начали последние дни сбываться. Думаю, что чрезвычайность нашего положения теперь дело 1—1½ месяцев. Потом останется только чрезвычайность последствий. Но здесь уж вся страна будет с ленинградцами не только помыс-

[30] Фонд 870 находится в научно-технической обработке. Другие, неопубликованные письма Бабушкина из блокадного Ленинграда к Георгию Михайловичу, также находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — в фонде 929 Г. М. Фридлендера.

лами. Обо всем остальном и писать не стоит. С Шурой[5] — по-старому, с Лялей[6] связь не регулярная.[7] С Лизой[8] — потерял (она по адресу — пишу второй раз тебе на всякий случай —Красноярский край. Советский район, село Березовка. Школа. Кискачи Т. И.[9] для Лизы. Установи, если можешь, связь и, в случае чего со мной, — поддержи политико-моральное состояние), тетя и папа, очевидно, застряли в Крыму...[10] Об Анке[11] и Грише[12] ничего не знаю, о Генрихе[13] — тоже. И, несмотря на все, я пребываю в постоянном состоянии деловой бодрости и имею еще достаточный запас физических сил. Уверен в будущем — совершенно.

Теперь о людях, которые тебе передадут это письмо. Девушка эта — Ольга Федоровна Берггольц — ленинградская писательница, поэт, без сомнения очень способный и, главное, с настоящим искренним общественным темпераментом, который <так!> понимает задачу писателя не в кропании произведений изящной словесности. Это делает ее очень приличным журналистом, во-первых, и очень выделяет из среды братьев-писателей, во-вторых. Она — безусловно, незаурядный человек.

В общежитии и товариществе абсолютно честна, порядочна, интересна той суммой малых талантов, которая свойственна и Лялюшке.[14] Член партии. Очень много перенесла вообще в жизни (по Андрюшиной линии, м<ежду> пр<очим>, тоже[15]). Сейчас, за эти последние месяцы, она очень много перенесла, очень устала, истощилась. Помимо всяких душевных и идеологических потрясений, которые принесла война, помимо остроты, с которой она (чисто по-писательски и по-женски) переживала испытания, выпавшие на долю ленинградского народа, ей очень трудно было из-за болезни мужа. Николай Иванович Молчанов,[16] очень хороший парень, кандидат литературовед[17] (из Герценовского[18]), советский до мозга костей человек, заболел эпилепсией во время борьбы с басмачами в Ср<едней> Азии.[19] Поэтому демобилизован из армии в начале этой войны.[20]

В здешних радостных условиях дошел до очень тяжелого состояния и потому вывозим.

Очень прошу тебя, хотя уверен, что для тебя даже и просьбы не надо, помочь Оле всем, абсолютно всем, что будет в возможностях и невозможностях. Она очень самостоятельный, взрослый, работоспособный человек, так что многого она на тебя не возложит. Но дать осмотреться, помочь установить связи в городе, даже приютить на первых порах, если невозможно будет сразу устроиться с каким-либо жильем, — это необходимо, п<отому> ч<то> с болью в сердце, я представляю себе, как им придется добираться до Арх<ангельска>, а она уже здесь почти без сил. Я так настойчиво пишу об этом, не только в силу личных, очень дружеских отношений, но и потому, что уверен — это нужный советской власти человек, который массу пользы принесет в пору нашей будущей мирной деятельности.

Ветер уже подул в новую сторону, милый старик... Так приятно сознавать, что дожил до той поры, когда непоколебимая, но абстрактная уверенность одевается реальными фактами! И горько, и больно за Шуриньку.[21] Все другие, страшные жертвы — я не могу принять, но я верю, что они уже взяты врагом и войной, а в эту я не могу поверить...

Я думаю о будущем. Все время — чего оно от нас потребует и что мы должны ему дать. И не верю, не понимаю, что это будет без Шуры...

Целую тебя крепко, мой дорогой и милый. <1 сл. зачеркн.> Уже чувствуется приближение того часа, когда опять будет вместе наша милая «альма-матерная» семья[22] — и Лялюшка, и ты, и не «альма-матерный» Изя.[23] От одного предчувствия такой радости заходится сердце...

<Подпись-росчерк>: Я. Бабушкин

Я тебе, честное слово, писал несколько писем. Не могу понять, почему ты их не получил, как, впрочем, и я — твоего.

Твой Яша.

На конверте:

<*Куда*:> Архангельск Областной педагогический институт[24] **(**кажется, он помещается на улице (проспекте) К. Маркса**)**

Преподаватель Фридлендер Георгий Михайлович

Дом<ашний> адрес: ул. Внучейского 4

<*Откуда*:> Ленинград Пролеткульта[25] 2 <текст утрачен>шкину

<На об. конверта, рукой М. Ф. Берггольц, сестры О. Ф. Берггольц: «Тут же письмо Яши Баб<ушкина> к Юре Ф<ридлендеру».>

---

[1] О. Ф. Берггольц.

[2] *Фридлендер* (урожд. Гессе) *Анжель (Анжелика) Морисовна* (1886—1956) — мать Г. М. Фридлендера. Анжель Морисовна окончила в 1904 г. гимназию Л. С. Таганцевой; училась на юридическом факультете Высших историко-литературных и юридических женских курсов (не окончила); работала в Библиотеке Академии наук СССР (1934—1948). Здесь и далее сведения о членах семьи Г. М. Фридлендера даются на основании: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 443—505.

[3] См. примеч. 2.

[4] *Фридлендер Михаил Васильевич* (Вильгельмович; 1879—1942) — отец Г. М. Фридлендера. Уроженец Петербурга. Учился в Петришуле, Технологическом институте (окончил в 1904 г.), служил в Русском акционерном обществе «Сименс-Шуккерт». После революции преподавал в различных вузах Ленинграда. Подробнее см.: «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 445—446. В декабре 1941 г. Михаил Васильевич был тяжело больным человеком и страдал прогрессивным параличом. По словам Г. М. Фридлендера, он находился в «чисто растительном состоянии» последние десять лет своей жизни. Именно эти «специфические трудности» имел в виду Бабушкин, когда писал своему другу о матери, ухаживавшей за больным.

[5] *Шурой* и далее *Шуринькой* Бабушкин называл общего с Фридлендером студенческого друга по ЛИФЛИ, историка *Выгодского Александра Гавриловича* (1915—1941), ушедшего добровольцем на фронт и пропавшего без вести в октябре 1941 г. Фразой «с Шурой — по старому» Бабушкин, вероятно, дает понять, что с Шурой по-прежнему связи нет.

[6] Имеется в виду *Ильинская Ольга (Ляля) Игоревна* (1911—1986) — филолог, педагог. Вторым браком была замужем за Бабушкиным. Во время войны находилась в эвакуации в Иркутске. Подробнее о ней см.: О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 479—556.

[7] Переписка с Ольгой Ильинской, эвакуированной в авг. 1941 г. из Москвы в Иркутск, действительно, была нерегулярной. Бабушкин посылал жене короткие телеграммы и редкие письма, написанные в оптимистическом тоне. Позднее, в 1943 г., Ильинская жаловалась Фридлендеру: «Столько пережили мы отдельно друг от друга, и теперь нам трудно столковаться, как людям с разных планет. Печальны все попытки найти в письмах общий язык. Я ему одно, а он мне совсем другое на свой героический военный ленинградский лад. И все-таки я его, этого замученного, злого, твердокаменного Яшку, очень люблю и боюсь за него» (О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 522). Два письма Я. Бабушкина от 26 июня и от 10 окт. 1943 г. к Ильинской воспроизведены на сайте «Памяти Якова Бабушкина»: URL: https://vk.com/club185709966 (дата обращения: 8.11.2023).

[8] *Серман* (урожд. *Бабушкина*) *Элиза Львовна* (<1917?>—2012) — младшая сестра Бабушкина, жена крымского поэта Б. Е. Сермана. Сведения о годах жизни приводятся по статье: *Герасимова Л. А.* Помнят ли Бориса Сермана в Крыму? // Литературная газета + Курьер культуры: Крым—Севастополь. 2013. № 3. 8—28 февр. С. 7 (источник указан Я. Грошевой). Муж Элизы Львовны был автором очерка о Я. Бабушкине под названием «Симфония его судьбы», опубликованном в изд.: *Серман Б. Е.* 1) Восхождение: [док. повествования]. Симферополь: Таврия, 1977. С. 65—103; 2) Сквозь годы: проза и стихи / сост. Э. Л. Серман. Хайфа: Салгир, 2010. С. 27—64. В последнем издании очерк «Симфония его судьбы» имеет посвящение: «Дорогим Асе и моей жене Эле — сёстрам Яши Бабушкина» (Там же. С. 27). Из надписи следует, что у Бабушкина была также сестра Ася, сведений о которой отыскать не удалось. В 1993 г. семья Серманов с дочерью Ириной эмигрировала в Израиль.

[9] *Кискачи Татьяна И.* — студенческая подруга Элизы Львовны, уехавшая из Ленинграда после окончания института на работу в с. Березовка Советского района Красноярского края по распределению. Элиза с сестрой Асей вскоре перебралась в Красноярск, где работала инспектором районо, а затем прошла по конкурсу в радиокомитет. См. об этом в воспоминаниях ее дочери*: Явчуновская И.* И крутится памяти кинолента...: воспоминания о поэте Борисе Сермане // Брега Тавриды. 2013. № 5/6. С. 273.

[10] Семья Бабушкина проживала в Евпатории, и беспокойство сына за судьбу родных было обосновано. В письме от 30 нояб. 1941 г к эвакуированным в Сибирь сестрам, он писал: «...Очень я беспокоюсь о наших стариках. Судьба Евпатории решилась уже пару недель тому назад. Страшно будет, если они не успели или не смогли уехать. Наш милый город останется нашим, но для судьбы отдельных людей это может оказаться решающим. Если вы что-нибудь от них получите, сразу же сообщите» (*Серман Б. Е.* Восхождение. С. 91). Немцы заняли Евпаторию 31 окт. 1941 г., а с 23 ноября начались расстрелы еврейского населения. По сообщению Я. Грошевой, в просмотренных ею списках погибших и расстрелянных оккупанта-

ми евпаторийцах фамилии Бабушкиных не обнаружено. Однако дочь Серманов, И. Явчуновская, пишет, что Э. Л. Серман говорила ей о том, что «родители были расстреляны фашистами под Евпаторией» (*Явчуновская И.* И крутится памяти кинолента... С. 270).

Известно, что отец Бабушкина до войны был репрессирован. О тете сведения также скудны. Ирина Борисовна Явчуновская писала, что в 1939 г. после окончания в том же году Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена Элиза Львовна вернулась в Евпаторию и ухаживала за перенесшей инсульт тетей и слепнувшим дядей (Там же.).

[11] *Тамарченко* (урожд. *Эмме*) *Анна (Анка) Владимировна* (1915—2015) — литературовед, критик, театровед, педагог; жена Г. Е. Тамарченко. Училась с Бабушкиным и Фридлендером на вечернем отделении ЛИФЛИ, а затем в аспирантуре ЛГУ. «Детей интеллигенции на вечернем отделении было очень мало, — вспоминала Тамарченко. — Поэтому сразу были заметны для меня двое — Юра Фридлендер и Яша Бабушкин» (*Тамарченко А. В.* Студенческие годы Георгия Михайловича Фридлендера // Pro memoria: [сб. материалов междунар. конф., 28—30 мая 2000 г., Петербург]: памяти акад. Г. М. Фридлендера (1915—1995). СПб.: Наука: 2003. С. 323). Когда Фридлендер познакомил Тамарченко со своим альбомом «Dell'arte», содержащим его штудии эстетической концепции Маркса и Энгельса, Анна Владимировна показала альбом Бабушкину. На почве интереса к разысканиям в области марксистской эстетики был создан сначала «триумвират» друзей — Фридлендер, А. Тамарченко, Бабушкин, а затем круг интересующихся расширился. Их работу поддержал М. А. Лифшиц, а в дальнейшем Фридлендер и А. Г. Выгодский стали авторами комментариев к двухтомной хрестоматии «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» (со вступительной статьей М. А. Лифшица), вышедшей в 1937 г. и имевшей несколько переизданий. О студенческом кружке см. также: *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (на крутых поворотах советской истории). Киев: журн. «Радуга», 2001. С. 65—71.

[12] Имеется в виду *Тамарченко Григорий Евсеевич* (1913—2000) — литературовед, педагог; муж А. В. Тамарченко. Во время войны А. В. Тамарченко находилась с дочерью в Татарстане. В середине декабря 1941 г. Г. Е. Тамарченко был эвакуирован из Ленинграда в Омск вместе со 2-й Военно-морской школой, в которой преподавал. Ему удалось съездить за дочкой и женой и перевезти их в Омск. В сентябре 1943 г. Григорий Евсеевич был призван в действующую армию, где служил по 1945 г. После войны преподавал в Черновицком, Уральском, Тартуском университетах и в Новгородском педагогическом институте. В 1978 г. семья Тамарченко эмигрировала в США.

[13] Имеется в виду старший брат Фридлендера — *Генрих-Андрей-Виктор Михайлович Фридлендер* (1911—1938). С. В. Березкина отмечает, что сначала его называли в семье Генри, а затем Андреем, как в быту, так и по документам («Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945). С. 446). В 1937 г. брат Георгия Михайловича — Генрих-Андрей — был обвинен в шпионаже и расстрелян. Семья не знала об этом и надеялась, что он жив.

[14] Бабушкин сравнил Берггольц со своей женой, Ольгой Ильинской («Лялюшкой»), обаятельной женщиной, производившей чарующее впечатление на окружающих. Фридлендер вспоминал об Ильинской: «Обладая исключительно богатым воображением, она обладала блестящим талантом рассказчицы и умела завладеть всеобщим вниманием и очаровать всех участников этих вечеров» (О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.). С. 497).

[15] См. примеч. 13. Используя отсылку («Андрюшина линия»), Яков Львович дает понять адресату, что и Берггольц была репрессирована.

[16] У Бабушкина ошибка в отчестве Молчанова. Правильно: *Молчанов Николай Степанович* (1909—1942) — литературовед, второй муж О. Ф. Берггольц. Биографическую справку о нем см.: *Башурова О. А.* Молчанов Николай Степанович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биогр. словарь. Т. 3: гос. публ. б-ка в Ленинграде — гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1931—1945. СПб.: Изд-во РНБ, 2003. С. 397—398.

[17] Защита диссертации Н. Молчанова состоялась 31 марта 1938 г. См.: *Молчанов Н. С.* К проблеме Пушкина в 60-е годы: тезисы к диссертации на степень кандидата филологических наук. [Л.], 1938. 5 с. Берггольц писала в дневнике: «Сегодня Коля защищал диссертацию. Защита прошла очень хорошо: тепло, очень благожелательно, по-советски, народу было немного, но все такой народ, который к Коле расположен <...>. Его много хвалили, за то, о чем я знала всегда и что знаю и сейчас больше — за смелость, за талант, за свежесть» (*Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 543).

[18] Упоминается Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.

[19] В 1932 г. Молчанов «вернулся из Армии, где служил на границе, в Средней Азии, в Мерве и Кушке, в условиях еще не до конца ликвидированного басмачества, коллективизации, бандитизма. Условия там были тяжелые. <...> Он приехал из Армии с тяжелой эпилепсией» (*Берггольц О. Ф.* Автобиография // *Берггольц О. Ф.* Собр. соч.: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 485—486). 27 марта 1934 г. Берггольц записала в дневнике: «Узнала от Торы, что будто бы Николай говорил своей матери о том, что его в армии контузили ручной гранатой. <...> Но знает ли обо всем этом врач — о контузии (если это было сказано не в утешение матери), о травме, которая у него была в армии, — он глухо упоминал о том, что пришлось участвовать в какой-то операции, в подавлении восстания или в ликвидации бандитской шайки...» (*Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2. С. 263). Упоминаемая Тора — *Андреева* (урожд. *Молчанова*) *Виктория Степановна* (1905—1978) — сестра Н. С. Молчанова.

[20] Летом 1941 г. Молчанов воевал под Лугой. Через час после объявления войны, по словам Берггольц, «Коля засобирался в военкомат, и мне совсем уже было не выговорить, что ему, с его припадками и пти-малями это нельзя. Он был младшим лейтенантом, командиром в частях, прикрывавших наше отступление, уходивших последними. Он получил две благодарности от командования и — к концу августа — его демобилизовали с белым билетом как инвалида... Он вернулся в Ленинград, подавленный демобилизацией» (*Берггольц О. Ф.* Автобиография. С. 488).

[21] См. примеч. 5.

[22] Имеется в виду учеба в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), где с 1932 г. на вечернем отделении учился Бабушкин, а с 1934 г. — О. И. Ильинская (Лялюшка), Г. М. Фридлендер и А. В. Тамарченко. ЛИФЛИ существовал как отдельный гуманитарный вуз с 1931 по 1937 г., затем был реорганизован и слит с ЛГУ. Таким образом, сокурсники Фридлендера оканчивали филологический факультет ЛГУ.

[23] *Верцман Израиль Ефимович* (1906—1992) — литературовед, критик, педагог; общий друг Бабушкина и Фридлендера. Во время войны — рядовой московского ополчения, корреспондент газеты «За Советскую Родину», военный переводчик. В дальнейшем занимался преподавательской деятельностью; был редактором издательства «Советская энциклопедия» (1954—1970).

[24] В описываемое время название вуза: Архангельский государственный педагогический институт (АГПИ). В 1991 г. преобразован в Поморский государственный педагогический университет им. М. В. Ломоносова; в 1996 г. переименован в Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова; в 2011 г. ПГУ вошел в состав Северного (Арктического) федерального университета.

[25] Бабушкин жил в Доме радио на углу улиц — Итальянской, д. 27 и Малой Садовой, д. 2, в здании бывшего Санкт-Петербургского Благородного собрания, построенном в 1912—1914 гг. братьями Вас. А., Вл. А. и Г. А. Косяковыми. С сентября 1918 г. по 28 июня 1948 г. Малая Садовая называлась улицей Пролеткульта. С 1918 по 1930-е гг. в особняке располагалась культурно-просветительская и литературно-художественная организация «Пролетарская культура», а с 1933 г. здесь разместился Дом радио, где во время блокады жили и работали ленинградские радиожурналисты.

Библиографический список

1. Александр Фадеев: письма и документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2001.
2. *Берггольц О. Ф.* Автобиография // Берггольц О. Ф. Собр. соч.: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 3.
3. *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941—1945) / сост., текстол. подгот. Н. А. Стрижковой; статьи Т. М. Горяевой и Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой и А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015.
4. *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930—1941 / сост., текстол. подгот., подбор илл. Н. А. Стрижковой; вступ. статьи Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой, коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017.
5. *Биневич Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // Звезда. 2015. № 12.
6. *Вечтомова Е.* Это не прошлое // В редакцию не вернулся... [сб.]. М.: Политиздат, 1970. Кн. 3.
7. *Герасимова Л. А.* Рожденные Отечественной...: к 70-летию Победы. Симферополь: [б. и.], 2015.
8. *Герасимова Л. А.* Помнят ли Бориса Сермана в Крыму? // Литературная газета + Курьер культуры: Крым—Севастополь. 2013. № 3. (8—28 февр.).
9. *Левин Л.* Жестокий расцвет // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979.
10. *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Георгий Михайлович Фридлендер // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 1 (9).
11. О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридлендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.) / вступ. статья, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.
12. *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Петрополис, 2012.
13. *Серман Б. Е.* Симфония его судьбы // Серман Б. Е. Восхождение: [док. повествования]. Симферополь: Таврия, 1977. С. 65—103.
14. *Серман Б. Е.* Симфония его судьбы // Серман Б. Е. Сквозь годы: проза и стихи / сост. Э. Л. Серман. Хайфа: Салгир, 2010.

15. *Тамарченко А. В.* Студенческие годы Георгия Михайловича Фридлендера // Pro memoria: [сб. материалов междунар. конф., 28—30 мая 2000 г., Петербург: памяти акад. Г. М. Фридлендера (1915—1995)]. СПб.: Наука, 2003.
16. *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (на крутых поворотах советской истории): воспоминания. Киев: журн. «Радуга», 2001.
17. «Трудармеец Фридлендер Г. М.»: (письма из Коми АССР, 1942—1945) / вступ. статья С. В. Березкиной, подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.
18. *Фадеев А.* «Хорош блиндаж, да жаль, что седьмой этаж» // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979.
19. *Явчуновская И.* И крутится памяти кинолента...: воспоминания о поэте Борисе Сермане // Брега Тавриды. 2013. № 5/6.